

Мешалкин П. Н. Меценатство и благотворительность сибирских купцов-предпринимателей (вторая половина XIX — начало XX вв.). Красноярск : Кн. изд-во, 1995.

Статистические обзоры Енисейской губернии. Красноярск, 1885-1916 // Государственная публичная историческая библиотека : офиц. сайт. URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/43569> (дата обращения: 10.06.2020).

УДК 94(470.5)"192/193"+342.815.1

А. П. Килин

«СПИСОК ЛИЦ, НЕ ИМЕЮЩИХ ПРАВА ИЗБИРАТЬ И БЫТЬ ИЗБРАННЫМИ»: К ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ ДОКУМЕНТА

Избирательные процедуры в советской России в 1918–1930-е гг. предусматривали лишение ряда граждан права голоса, как по признаку политической лояльности, так и по сфере деятельности. Накануне выборов члены избирательных комиссий составляли и публиковали списки «лишенцев». В статье рассматривается конкретный «Список лиц, не имеющих права избирать и быть избранными» по городу Екатеринбург на октябрь 1924 г. Этот архивный документ позволяет сделать выводы не только о социальном составе «лишенцев», но и продемонстрировать дефекты административных процедур и делопроизводства советского государства, бюрократический аппарат которого находился в стадии становления.

Ключевые слова: лишение избирательных прав, «лишенец» частные торговцы, документирование, процедура, социальный состав

С. С. Алексеев отмечает две особенности советского права. Во-первых, в него непосредственно включалось социальное революционное право, то есть «неправовой» в юридическом смысле феномен; во-вторых, оно было носителем тоталитарной идеологии, которая, подчинив право, пропитав его догмами, превратила правовую систему в предельно заидеологизированную, тоталитарную, утратившую коренные правовые ценности [Алексеев, 1994, с. 207]. Однако учитывая специфику правовой среды советской России, необходимо констатировать, что ограничение значительной части членов общества в гражданских правах (лишение права голоса на выборах) с формальной точки зрения было законно [Килин, 1997, с. 95–105]. В Конституциях РСФСР 1918 и 1925 гг. содержалось положение, в соответствии с которым, наряду с заключенными и душевнобольными, целый ряд категорий граждан (на основе классового или профессионального признаков) лишались права избирать и быть избранными. Для краткости эту категорию граждан называли «лишенцами», что подразумевает негативную коннотацию. Следуя за источником, мы используем этот термин, при этом считаем целесообразным помещать его в кавычки.

К категории «лишенцев» относились «классово чуждые» элементы, идеологические противники, представители некогда правящих групп и сословий, а также граждане, не занятые в обобщественном секторе производства.

Основными источниками при изучении проблем избирательного законодательства 1920-х гг. являются Конституции РСФСР 1918 и 1925 гг.

и «Инструкции о выборах городских и сельских советов и о созыве съездов советов».

В соответствии с «Инструкцией о перевыборах городских и сельских советов и о созыве волостных (районных), уездных (окружных) и губернских (областных) съездов советов», утвержденной Декретом ВЦИК 11 августа 1924 г., списки лиц, лишенных избирательных прав, составлялись избирательными комиссиями на основании данных, предоставляемыми волостными исполнительными комитетами, сельскими советами, административными органами и судебными учреждениями по особой форме [Инструкция о перевыборах городских и сельских советов, 1924].

Как отмечалось в пояснениях к Инструкции, направленных в региональные избирательные комиссии, в частности в Екатеринбургскую городскую избирательную комиссию, «такими данными, конечно, могут служить только документальные данные». В отношении лиц, лишенных избирательных прав по суду – копии приговоров соответствующих судов; лиц, признаваемых умалишенными или душевнобольными, или состоящими под опекой – акты или копии о признании гражданина умалишенным, душевнобольным или состоящим под опекой; в отношении нетрудовых элементов такими данными могут служить удостоверения о выборке ими соответствующих патентов или сведения об уплате подоходно-поимущественного налога (уравнительного сбора), которые предоставлялись местными финансовыми отделами; в отношении «бывших и настоящих контрреволюционеров» – сведения органов Объединенного государственного политического управления (ОГПУ), волостных исполкомов, милиции, административных отделов. В материалах отмечалось, что «нельзя и не следует при разрешении вопроса о занесении в списки лишенных избирательных прав руководствоваться не документальными данными или сведениями, или частными заявлениями. Слухи и частные заявления должны быть проверены и могут служить основаниями для занесения в списки лишь подтверждения их официальными данными» [ГАСО, ф. Р-88, оп. 9, д. 2, л. 156].

В Инструкции 1924 г. говорилось: «Избирательная комиссия направляет один экземпляр составленного ею списка местному совету, другой – вышестоящей избирательной комиссии и третий – административному отделу, уездному управлению или районному управлению милиции по принадлежности. Одновременно <...> избирательная комиссия публикует или вывешивает на видном месте список лиц, лишенных избирательного права, не позднее чем за неделю до перевыборов соответствующего совета. Лица, включенные в списки лишенных избирательного права по постановлению избирательной комиссии, могут обжаловать это постановление в трехдневный срок со дня опубликования или вывешивания списка в вышестоящие комиссии через избирательную комиссию, на постановление которой приносится обжалование; избирательная комиссия обязана переслать поступившую на ее

постановление жалобу в вышестоящую комиссию в течение двадцати четырех часов» [Инструкция о перевыборах городских и сельских советов, 1924].

Включение в списки «лишенцев» происходило оперативно; напротив, процесс восстановления был длителен и сложен. Необходимо было пройти административную процедуру и выполнять целый ряд условий, среди которых был своего рода «карантин», т. е. пятилетний стаж общественно полезного труда после прекращения неблагонадежной деятельности. Восстановление в избирательных правах напоминало судебную процедуру, пусть и осуществляемую в заочной форме, в рамках которой человек должен был доказать, что лишен избирательных прав незаконно или, если лишение было законным, обосновать возможность своего восстановления (доказать лояльность советской власти, подтвердить пятилетний трудовой стаж и т. п.). Таким образом, доминировала презумпция виновности человека, который был вынужден самостоятельно доказывать свою невиновность.

В фонде Уральского областного исполнительного комитета советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов хранятся документы областной избирательной комиссии, в компетенцию которой входило рассмотрение ходатайств граждан о восстановлении в избирательных правах, не удовлетворенных в комиссиях низового уровня. В материалах дел представлены списки лишенных избирательных прав по городу Екатеринбург у составленных 15 октября 1924 г. [ГАСО, ф. Р-88, оп. 9, д. 2, л. 1–94].

Два списка разделены по признаку – «основание для лишения»: первый на основании ст. 65, второй в соответствии со ст. 23 Конституции РСФСР 1918 г. В первый список включены: священники, торговцы и совладельцы торговых предприятий, предприниматели, занятые ремесленным или промышленным производством (в т. ч. ассенизаторы, парикмахеры, владельцы часовых мастерских и пекарен и т. п.), а во второй, состоящие на учете в ОГПУ, в том числе: административно-высланные, перешедшие границу и бывшие белые офицеры.

Списки содержат сквозную нумерацию и включают в себя 3208 записи, соответственно 2053 записи в первом и 1155 во втором). При этом в г. Екатеринбург – Свердловске в 1923 г. проживало 97400, а в 1926 г. – 140000 человек [Всесоюзная перепись населения. 1926 год, 1929.]. Если ориентироваться на ближайший к 1924 году 1923 год, то согласно составленным спискам – 3,29 % горожан были лишены права избирать и быть избранными.

Поскольку объектом наших исследований длительное время являлись частные предприниматели, то наше внимание сосредоточено именно на них [Килин, 2018, с. 527–562]. Частные торговцы являлись самой многочисленной группой среди «лишенцев». Среди них было не только много представителей различных этносов, но и подданные различных государств.

Нами был проанализирован первый список, поскольку основное внимание мы уделяли частным торговцам, которые составляли абсолютное большинство (1679 чел.), остальные 374 гражданина были лишены избирательного права по иным основаниям.

Каждая запись состоит из трех позиций: фамилия имя отчество гражданина, вид деятельности в настоящее время, который явился основанием для лишения избирательных прав, а также статья Конституции, на основе которой было принято решение о лишении. Последняя запись стандартная и воспроизводится без изменений «Согласно п. «В» Статьи 65 Конституции».

Из общего числа торговцев (1679) в 1466 случаях фамилия, имя и отчество были указаны полностью, а в 213 случаях в сокращенном или урезанном виде. Очевидно, что запись дублировали с первоисточника – документа, на основании которого происходило формирование списков. Различные источники и разный уровень делопроизводства предопределяли подобного рода разнообразие. Это обстоятельство могло повлиять на судьбу человека, поскольку в материалах личных дел «лишенцев» есть жалобы на то, что гражданин был лишен избирательных прав по ошибке, что его перепутали с другим гражданином.

При анализе списков торговцев выяснилось, что некоторые записи дублируют друг друга. После анализа нами были исключены записи, определенно совпадающие друг с другом, в отношении 15 записей остались сомнения в их дублировании, по этой причине они были сохранены в общем перечне. Таким образом, нами проанализировано 1626 записей, относящихся к торговцам. Причины, по которым могут быть одни и те же граждане внесены в список дважды, могут быть следующие. Во-первых, техническая ошибка и невнимательность машинистки. Во-вторых, дублирование документов, на основании которых производилось лишение. По одним документам гражданин проходил как торговец, выбравший патент на промысловое занятие, а по другим – числился совладельцем торгового предприятия, в котором сам не вел торговлю. Третья причина носит более сложный и труднодоказуемый характер. Как полагает Г. Алексопулос, местные чиновники искусственно расширяли списки лишенных избирательных прав, желая продемонстрировать свою бдительность и «перевыполнить план» по очистки списков избирателей от неблагонадежных элементов. По факту в списки включали несовершеннолетних детей, уже восстановленных в избирательных правах и даже умерших. Традиция использования «мертвых душ», по всей видимости, глубоко укоренилась в бюрократической практике. Г. Алексопулос пишет: «Даже маленькие дети появлялись в списках бесправных, поскольку местные чиновники пытались удовлетворить своих начальников, но в то же время оставляли свои общины относительно незатронутыми. На Северном Кавказе и в других местах дети в возрасте от одиннадцати до шестнадцати лет были обнаружены в списке бесправных, и один сельский совет в Коми включил в свой список

детей в возрасте до одного года. Должностные лица также внесли в свои списки имена погибших, выехавших из региона или уже восстановивших свои права» [Alexopoulos, 2003, p. 71]. Уже отмеченную нами причину – низкое качество делопроизводства – не стоит сбрасывать со счетов.

Из числа занятых торгово-посреднической деятельностью (1626 чел.), непосредственно числились торговцами 1549, а 77 являлись совладельцами торговых предприятий.

Поскольку этническая принадлежность предпринимателей не указана, ее можно весьма условно определить исходя из особенностей имен, отчеств и фамилий. Разумеется, такая идентификация далека от строго научной, поэтому в ряде случаев определить этническую принадлежность невозможно. Особенно это сложно с представителями азиатских стран. Даже обращение за консультацией к носителям языка не позволило определить точную этническую принадлежность гражданина. Особенности звучания их имен и отсутствие строгих правил транслитерации не позволяют провести достоверную идентификацию. По этой причине граждане китайского или корейского происхождения оказались в одной группе – граждане азиатского происхождения – 79 человек. Граждане еврейского происхождения – 113, тюркского – 184 и славянского – 1079. В остальных случаях это оказались граждане, которые относились к иным этническим группам, не подходящими под четыре основные, выделенных нами. К этой же категории относились те, чью этничность даже приблизительно не удалось определить, поскольку при записи были использованы краткие наименования, либо этничность не «считывалась». Это обстоятельство не позволило определить и пол некоторых «лишенцев», практически полностью это оказалось невозможно сделать в отношении представителей азиатских стран. Из тех, кого удалось идентифицировать – 1001 мужчина и 531 женщина.

Списки по городу Екатеринбургу демонстрируют высокую экономическую активность городского населения в целом и торговцев в частности. Отметим широкое представительство различных этнических групп и активное вовлечение в торговлю женщин, особенно оставшихся без кормильца и вынужденных самостоятельно обеспечивать не только себя, но и своих малолетних детей.

При этом делопроизводство в советских органах власти находилось на низком уровне, о чем свидетельствует качество составленных списков.

Список литературы

Алексеев С. С. Теория права. М. : Издательство БЕК, 1994.

Всесоюзная перепись населения. 1926 год. Уральская область. Отдел II. Занятия. Отдельный оттиск табличной части тома XXI. М. : Издание ЦСУ СССР, 1929.

Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. Р-88. Исполнительный комитет Свердловского областного Совета депутатов трудящихся (Облисполком).

Инструкция о перевыборах городских и сельских советов и о созыве волостных (районных), уездных (окружных) и губернских (областных) съездов советов: утв. Декретом ВЦИК от 11 августа 1924 г. // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР. 1924. № 71. ст. 695.

Килин А. П. Категории граждан, лишенных избирательных прав в 1920-е годы (анализ инструкций о выборах в советы) // История репрессий на Урале: идеология, политика, практика (1917–1980-е годы). Сб. ст. участников науч. конф. Нижний Тагил : НТГПИ, 1997. С. 95–105.

Килин А. П. Частная торговля и кредит на Урале в годы нэпа: экономические, политические и социальные аспекты: Научная монография. Екатеринбург : Изд-во Урал.ун-та, 2018.

Alexopoulos Golfo. Stalin's Outcasts: Aliens, Citizens, and the Soviet State, 1926–1936. Ithaca, NY : Cornell University Press, 2003.

УДК: 821.161.1

Л. В. Маштакова

«УРАЛЬСКИЕ» МАТЕРИАЛЫ В ФОНДЕ Ф. СОЛОГУБА (РУКОПИСНЫЙ ОТДЕЛ ИНСТИТУТА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ РАН): ИНФОРМАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ¹

В статье представлены результаты поиска и анализа документов, связанных с гастролями Ф. Сологуба на Урале в 1916 г. с лекцией «Россия в мечтах и ожиданиях», хранящихся в Рукописном отделе ИРЛИ РАН («Пушкинский дом»): писем, телеграмм, рукописей стихотворений. На основании данных источников определяется значение мероприятия для литературной жизни Урала к. XIX – н. XX вв. Особое место уделяется полемике в уральской литературной и журналистской среде вокруг символизма как одного из главных течений русского модернизма. Устанавливается связь одного из стихотворений поэта с впечатлениями от поездки по Уралу.

Ключевые слова: Федор Сологуб, гастроли, Урал, Уфа, Екатеринбург, Челябинск, Пермь, 1916

Ф. Сологуб был на Урале два раза с лекцией «Россия в мечтах и ожиданиях» в 1916 г.: 1 февраля – в Уфе, 3 февраля – в Челябинске, 1 октября – в Екатеринбурге и 27 октября – в Перми. Лекция, посвященная патриотической теме в поэзии классиков и современников, стала патетическим воззванием к духовному обновлению страны через испытания войной. В прессе она была жестко раскритикована, но на протяжении всех гастролей собирала полные или почти полные залы (см. комментарии А. В. Лаврова [Сологуб, 1997]). Записки, телеграммы, письма, черновики лекций, связанные с урало-сибирскими поездками, были скрупулезно собраны и сохранены поэтом и в данный момент составляют часть фонда Сологуба, хранящегося в Рукописном отделе Пушкинского Дома. Документы помогли детально реконструировать турне

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-78-10095 «Индустриальная идентичность территорий России: уральские региональные сообщества и дискурс об Урале в культуре XVIII – XX вв.»)